

УДК 821.161.1 БУНИН. 09

ГЕРОЙ И ГОРОД В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «ПЕТЛИСТЫЕ УШИ»

© 2010 Ю.С. Попова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 января 2010 года

Аннотация: В статье исследуется соотношение личностного и родового начал в герое рассказа И.А. Бунина «Петлистые уши». Эти начала особенно явно выступают на фоне демонических сил Петербурга (места действия), порождением которых является главный герой.

Ключевые слова: Бунин, герой, город, петля, вырождение.

Abstract: In the article parity of the personal and patrimonial beginning in the hero of the story I.A. Bunin «Petlistye's ears» is investigated. These beginnings especially clearly appear on a background of demonic forces of Petersburg (scene of action) which generation is the protagonist.

Key words: Bunin, hero, character, city, loop, degeneration.

Рассказ И.А. Бунина «Петлистые уши» (1916) привлекал внимание исследователей, но менее чем другие его рассказы. Ученые акцентировали свое внимание на разных аспектах: полемика писателя с Ф.М. Достоевским (О.В. Сливицкая, Л. Долгополов, Л.А. Смирнова, В.А. Туниманов) [1], идея вырождения, связанная с влиянием идей Ломброзо (О.Н. Михайлов, Г.Ю. Карпенко) [2], черты «петербургского текста» в рассказе (В.Ш. Кривонос) [3]. Но этот рассказ оставляет простор для дальнейшего изучения в векторе углубления антропологических и культурологических смыслов.

1916 год — особенный в творческой эволюции писателя: в стихах и рассказах этого года прослеживается усиление ощущения катастрофизма бытия. В этом смысле рассказ «Петлистые уши» был очень актуален. Критик Е.А. Колотоновская в своем письме от 27 января 1917 году писала И. Бунину: «Рассказ «Петлистые уши» глубоко поразил меня и взволновал. Кажется, это сильнее всего написанного Вами ранее... Но Вы, конечно, не об этом спрашиваете меня, а о сущности впечатления: чувствую ли я изображенное в рассказе как правду? Я думаю, что сейчас все так именно

чувствую... сейчас все очевидцы мировых событий уже пришли к одной точке — к тому ощущению жизни и человека, которым проникнут Ваш страшный рассказ... Вы зачерпнули от самой гуши переживаемых теперь ужасов и это придало его непреходящему содержанию особенную остроту» [4]. Писатель А.Б. Дерман не согласился с таким отзывом и считал, что «слишком отчетливо выступает фигура автора в разговорах героя с матросами. Последние, помнится, народ невежественный... Правда, маниак порою говорит потому только, что из него прет, кто ни был его собеседником, но это объяснение аннулируется чертой замкнутой сдержанности, которая Вашего героя отличает... Я продолжаю считать «Петлистые уши» чуть ниже Вашего умения» [5]. Но и он отмечал актуальность этого рассказа: «тезисы Вашего рассказа идут ведь по линии текущих событий» [6]. А вот что сам И.А. Бунин (в письме П.А. Нилусу от 27 мая 1917 года) считал самым главным в своем рассказе: «Тут главное — адский фон и на нем здоровенная и ужасная фигура. А согласись, что это удалось» [7].

Это суждение автора позволяет выделить в рассказе два особенно важных аспекта: «здоровенная и ужасная фигура» (герой) и «адский фон» (город). Герой интересует И. Бунина в контексте

© Попова Ю.С., 2010

взаимодействия в человеке родового и личностного начал. В этом отношении новый взгляд может дать исследование рассказа «Петлистые уши» в контексте произведений 1915–1916 годов. Во многих произведениях этого периода на первый план выходит тема вырождения, особенно волновавшая И.А. Бунина (разных героев он сам называет «вырожденцами»). Вырождение (патология, отступление от рода человеческого) осмысливается писателем как амбивалентное понятие. С одной стороны, Зотов («Соотечественник»), Захар Воробьев (одноименный рассказ) и Аглая (одноименный рассказ), где вырождение – осознано как особая творческая и духовная одаренность человека; с другой стороны – Егор Минаев («Веселый двор»), Ермил (одноименный рассказ) и Адам Соколович («Петлистые уши»): здесь «отступление» принимает характер безудержной жажды разрушения и убийства.

В рассказе И.А. Бунина «Петлистые уши» тема вырождения достигает своего апогея. Рассказ обращает на себя внимание уже названием: это необычное сочетание слов, не характерное ни для обыденной речи, ни для анатомического наименования. С первых страниц автор раскрывает перед читателем загадку названия, а вместе с этим и коллизию рассказа.

В центре повествования – страшное убийство, которое совершает матрос Адам Соколович. Внешне он выделяется среди других необыкновенной худобой и очень высоким ростом («необыкновенно высокий человек» [8], «необыкновенно высокий, худой и нескладный» [IV; 386]). Было что-то ужасное и отталкивающее в нем, что-то звериное. Автор несколько раз подчеркивает его «сильно развитую челюсть» [IV; 387], его свежесбранный рот (не подбородок), а также его огромные ступни. Сам Соколович называет себя выродком, так как «одни восприятия и способности у него обострены, повышены, а другие, напротив, понижены» [IV; 389]. Эта притупленность вкуса проявляется у Соколовича даже в том, что спиртное на него оказывало совсем малое действие: «я уж не раз говорил вам, что вино на меня мало действует и не доставляет мне особого удовольствия» [IV; 389]. Эта же особенность отличает и Елагина в повести «Дело корнета Елагина»: «личность, по-моему, с резко выраженными дегенеративными особенностями... И потом, обратите внимание на его дегенеративную силу: в день убийства... выпил за завтраком шесть рюмок водки, бутылку шампанского, две рюмки коньяку и остался при этом почти совершенно трезвым!» [V; 273]. Однако сам Соколович отличительной чертой вырожденцев считает необычную форму ушей: «у выродков, у гениев, у бродяг и убийц уши петлистые, то есть похожие на петлю, – вон

на ту самую, которой и дают их» [IV; 389]. Петля (по словарю В. Даля) – нитка, веревка, сложенная мочкой, проушиной, перегнутая вдвое и образующая ушко, хомутик [9]. Петля становится лейтмотивом повествования и художественно реализуется в мотивах и деталях: трамваи, описывающие круги по площади, галстуки в магазине, длинный шарф Соколовича, «восьмерка» номера, в котором происходит убийство. Эта петля затягивает самого героя, и остановить это уже нельзя.

Вырожденческая натура главного героя Адама Соколовича проявляется на всех уровнях: психическом, поведенческом, интеллектуальном. Его внешний облик непосредственно отражает его внутренние черты. Соколович живет в полном согласии со своей натурой. Его жестокость ничем не мотивированна, ей нет оправдания, нет объяснения. Автор и не стремится к этому. Поэтому рассказ – это не попытка понять, в чем кроется причина убийства и в чем же особенность психологии преступника. Несмотря на то, что Бунин заостряет наше внимание на отдельных моментах личности Соколовича, цельность его проступает очень явственно («цельному в своем безобразии и беспощадной мрачности» [IV; 395]).

Жестокость, которая присуща натуре героя, отнюдь не теоретическая, она не результат развиваемых им идей, не носит только философский характер (как у Раскольникова), а является патологическим свойством его личности. Исследователь Г.Ю. Карпенко видит в вырождении проявление атавизма, который формирует в человеке положительные или отрицательные задатки. Они могут выступить как «божественный» дар природы, увеличивающий способности до ненормальных размеров, или «как жестокозвериная, казалось бы, навсегда преодоленная цивилизацией сила, проступающая в человеке помимо его воли и несущая человечеству, если она обращена в действие, неизмеримые страдания и разрушения» [10]. И в том, и в другом случае атавизм – отклонение от нормы, который свидетельствовал о вырожденческом процессе. Несмотря на то, что герой считает себя особенным (выродком, то есть выпавшим из рода людей), он развивает теорию страсти к насилию и жестокости как качество, присущее всем. «Я, Пильняк, тоже подозреваю, что эти уши присущи не одним только так называемым выродкам. Страсть к убийству и вообще ко всякой жестокости сидит, как вам известно, в каждом. А есть и такие, что испытывают совершенно непобедимую жажду убийства, – по причинам весьма разнообразным, например, в силу атавизма или тайно накопившейся ненависти к человеку...» [IV; 389] И далее он приводит множество примеров из жизни и из истории, где преступления совершают не выделяющиеся, «обыденные» люди.

Соколович не ищет себе оправдания, не ссылается на обстоятельства или окружение. Ему свойственны патологические состояния: «Это, знаете, очень острое удовольствие видеть, как несется на тебя улица и мечется впереди, не зная, в какую сторону кинуться, какая-нибудь прекрасная дама» [IV; 388]. Соколович свою патологическую «философию» реализует на практике самым простым и ужасным образом: он убивает случайно встретившуюся ему проститутку, которая была настолько ничтожна, что казалась существом «какой-то иной, чем люди, неведомой породы» [IV; 393]. Убивает согласно плану, в заранее определенный час (деталь – «большие серебряные часы») и спокойно уходит. Само преступление не описано, происходит в полнейшей тишине, и от этого становится еще страшнее и мрачнее.

Герой И. Бунина, представленный как выродок, тем не менее, наделен именем, символизирующим человека как представителя всего рода человеческого. Адам [11] – имя первого человека, сотворенного Богом. Здесь же герой принимает на себя функции Бога, сам решает судьбу другого человека, ни на минуту не задумываясь, имеет ли он на это право, определяет, что есть добро и зло, и выносит свой вердикт людям, лишая их любой возможности перейти на сторону добра. Он отказывается от Бога, при этом хорошо знаком с Библией. «Я сын человеческий, – сказал Соколович с какой-то странной торжественностью, которая могла сойти и за иронию» [IV; 388], отрекаясь от своего панского происхождения. Так чаще всего называется Иисус Христос в Евангелии. Если Христос – явление Божественного духа, то Соколович такое же закономерное явление диких и разрушительных человеческих начал: «в войнах участвуют теперь уже десятки миллионов. Скоро Европа станет сплошным царством убийц» [IV; 390]. Соколович буквально нанизывает цепь вековых жестокостей, совершенных или упоминаемых в Библии, эпосе и романах на всем протяжении всемирной истории. В результате самохарактеристика преступника «Я сын человеческий» наполняется предостерегающим смыслом: ответственность за совершенное преступление возлагается на все человечество.

Главная черта в ощущении жизни Соколовича – это отчуждение от всего и всех. Он вечный бродяга, «завсегдатай всяческих притонов от Кронштадта до Монтевидео» [IV; 388]. Такой образ жизни является одной из примет демонического персонажа [12]. Герой лишен семейного и социального (собеседники героя «хорошенько не знали и не могли понять ни его положения, ни его прошлого, ни его теперешней бездомности и бездельной жизни» [IV; 388]). Чужеродность и разнородность его неоднократно подчеркиваются:

происхождением (панский сын), внешним видом («кожаный английский картуз», с «довольно редкой американской опушкой»), татуировкой в виде дракона, пристрастиями (любил он только джиджер и абсент). Персонажи, которым Соколович излагает свои идеи, наделены, как и главный герой, нерусскими фамилиями (Пильняк, Левченко). Герои чужды друг другу, чужды всему, что их окружает.

«События, описываемые в рассказе, происходят в Петербурге, но Бунин расширяет их до масштабов планетарных, своеобразно «интернационализируя» образ героя» [13]. На протяжении всего рассказа Соколович перемещается по Петербургу. Движение его никуда не направлено, оно не имеет смысла и цели. Он движется механически, впрочем, как и другие жители города, постоянно стремясь к толпе, но не сливается с ней. Его путь начинается с Николаевского вокзала и в конце рассказа снова оказывается там же, как в кольце, в петле, из которой нельзя выбраться. Соколович посещает рестораны, гостиницу, останавливается на Аничковом мосту, у витрин магазинов, петляет по городу, оказываясь в одних и тех же местах снова и снова (Николаевский вокзал: Адам Соколович «многим встречался в этот темный и холодный день то возле Николаевского вокзала» [IV; 386] – «и вот, усевшись в низкую пролетку, покатила эта пара сперва по Невскому, потом по площади мимо светящихся часов Николаевского вокзала» [IV; 394]; Аничков мост: «стоя на Аничковом мосту, он (Соколович) сумрачно заглядывался на темную воду» [IV; 386] – «он (Соколович) наискось пересек Аничков мост и пошел по другой стороне проспекта» [IV; 393]. Это пространство для Соколовича является лабиринтом, не понятно, как он там появляется, вступает на «тропу», и уходит снова в эту бесконечную пустоту лабиринта. Лабиринтное начало присутствует и в Петербурге: река Фонтанка, которая втекает сама в себя, совершая большое количество запутанных ходов [14]. В этом смысле можно говорить о том, что целью является не только конец пути, но и сам путь – сам факт перемещения в пространстве. Однако это движение никаких эмоций у героя не вызывает. В рассказе вообще нет эмоций, спокойный, ровный тон повествования еще сильнее контрастирует с сюжетом. Все связи с окружающими у него разорваны. Герой постоянно уходит во мглу, туман, от людей: еще не совершив преступление, он уже наказан.

Атмосфера Петербурга – место преступления является некой «всемирной» петлей («яркое освещение Невского подавлял густой туман» [V; 391], «задавлен какой-то переходивший улицу старик» [IV; 392], «голова ее была придавлена»

[IV; 397]. «Ночью в туман Невский страшен. Он безлюден, мертв, мгла, туманящая его, кажется частью той самой арктической мглы, что идет оттуда, где конец мира, где скрывается нечто непостижимое человеческим разумом и называется Полюсом» [IV; 393]. Автор подчеркивает крайнее положение города-призрака, его места на краю света. Здесь осуществляется переход от пространственной крайности к жизни на краю, на пороге смерти, в безвыходных условиях, когда дальше идти уже некуда.

Образ Петербурга создается концентрацией его негативных природных компонентов – сырости, тумана, мглы, холода, которые являются постоянными чертами Петербурга – его болезни и гибели. Неуютность, некомфортность мира подчеркивается бездомностью, неприкаянностью людей, гулками звуками, духотой, мглой, электрическим светом, в котором люди мелькают, как отражение, в любую минуту готовое исчезнуть. В.Н. Топоров характеризует образ этого города в литературной традиции: «Петербург — центр зла и преступления, где страдание превысило меру и необратимо отложилось в народном сознании; Петербург — бездна, «иное» царство, смерть» [15]. Это редкий текст И. Бунина, где автор сознательно работает с тем мифом о Петербурге, который создан в русской классической традиции.

Этот демонический образ города проникнут ощущением хаоса, небытия, влиянием темных сил. Город, несмотря на конкретные реалии, превращается из конкретного места в метафизическую реальность. В рассказе большое количество деталей, символизирующих мертвенность существования: «дроги, увозившие куда-то среди этого движения нищенский, никем не провожаемый ярко-желтый гроб» [IV; 386], «восковые красавцы блондины... с деревянными ножками, мертво торчащими... из-под панталон» [IV; 393], «громада теса, возвышавшаяся из-под забора за фонарем, траурно белела на черноте ночи» [IV; 394]. Люди и предметы теряют свои головы во мгле [16] (в бильярдной «ходили с киями на плечах и в одних жилетах безголовые мужчины; головы их терялись в сумраке» [IV; 387]), так же обезглавленный Казанский собор производит зловещее, мрачное впечатление («дошел до обезглавленного туманной темнотой Казанского собора ... » [IV; 393]). Город живет своей исторической, бытовой жизнью, но в то же время жизнью вечной. Ночью и днем город не утихает, и рассвет в нем — это пылающее «зловещее пламя». С темными силами связана и символика воды в рассказе: «стоя на Аничковом мосту, он сумрачно заглядывал на темную воду» [IV; 393], сам герой называет себя «бывшим моряком» [IV; 386] (тоже вышедшем из темной стихии воды). В этом адовом городе нет

индивидуальностей, нет личностного начала, а только «черные людские фигуры» [IV; 386], мелкая черная толпа. Петербург для Соколовича является пространственным полем, где решаются вопросы о жизни и смерти и где ответы на них определяют отношение к истине. Бунин почувствовал в Петербурге более глубокие сущности, которые кардинальным образом определяют поведение героя.

Так в самом бытии И. Бунина обнаруживаются стихии, враждебные личностному началу. Адам Соколович оказывается жалкой игрушкой могучих и равнодушных сил. Автор далек от иронии или обличения заблудшему человеку, так как осознает ее трагическую незащищенность от ее темных побуждений. Страшное, звериное начало, которое, по мнению И. Бунина, берет верх над личностным, проступает в человеке в катастрофичные периоды истории. Город идеально созвучен герою-выродку, его мировоззрению, преступлению без наказания. Это город без религии, раскаяния, искупления, надежды, где нет ничего запретного, святого, место, где «петлистые уши» из аномалии превращаются в норму.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. работы: Сливацкая О.В. Рассказ И.Бунина «Петлистые уши» (И.Бунина и Ф.Достоевский) / О.В. Сливацкая // Русская литература XX века (дооктябрьский период). — Калуга, 1971. — Сборник 3. С. 160-172; Долгополов Л. На рубеже веков / Л. Долгополов. — Ленинград : Советский писатель, 1977. С.304-311; Смирнова Л.А. Иван Алексеевич Бунин: Жизнь и творчество / Л.А. Смирнова. — М. : РГГУ, 1991. С.74-78; Туниманов В.А. Бунин и Достоевский (по поводу рассказа И.А.Бунина «Петлистые уши») / В.А. Туниманов // Русская литература. —1992. — № 3. С.55-73.

2. См. работы: Михайлов О.Н. И.А. Бунин: Жизнь и творчество / О.Н. Михайлов. — Тула : Приок. кн. издательство, 1987. С. 246-255; Карпенко Г.Ю. И.А. Бунин «о выродках» / Г.Ю. Карпенко// И.А. Бунин в диалоге эпох. И.А. Бунина. — Воронеж : ВГУ, 2002. С. 16-23.

3. Кривонос В.Ш. О «Петербургском рассказе» И.А. Бунина / В.Ш. Кривонос // И.А. Бунин и русская культура. Межвузовский сборник научных трудов. — Елец : Тало, 1995. С. 157-161.

4. И.А. Бунин. Письма 1905-1919 годов / И.А. Бунин; подготовка текстов писем и комментариев С.Н. Морозова и др.; под общей ред. О.Н. Михайлова; Рос. Акад. наук, Институт мировой литературы им. Горького и др. — М. : ИМЛИ, 2003. С.745.

5. И.А. Бунин. Письма 1905—1919 годов / И.А. Бунин; подготовка текстов писем и комментариев С.Н. Морозова и др.; под общей ред.

О.Н. Михайлова; Рос. Акад. наук, Институт мировой литературы им. Горького и др. — М. : ИМЛИ, 2003. С. 746.

6. И.А. Бунин. Письма 1905–1919 годов / И.А. Бунин; подготовка текстов писем и комментариев С.Н. Морозова и др.; под общей ред. О.Н. Михайлова; Рос. Акад. наук, Институт мировой литературы им. Горького и др. — М. : ИМЛИ, 2003. С. 746.

7. И.А. Бунин. Письма 1905–1919 годов / И.А. Бунин; подготовка текстов писем и комментариев С.Н. Морозова и др.; под общей ред. О.Н. Михайлова; Рос. Акад. наук, Институт мировой литературы им. Горького и др. — М. : ИМЛИ, 2003. С. 389.

8. Бунин И.А. Собрание сочинений в девяти томах. / И.А. Бунин. — М. : Художественная литература, 1966. — Том 4. С. 322. В статье произведения Бунина цитируются по этому изданию с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой).

9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : современное написание : в 4 т. / В.И. Даль. — М. : Астрель: АСТ, 2004. — Том 3. С. 725.

10. Карпенко Г.Ю. Творчество И.А. Бунина и религиозно-философская культура рубежа веков / Г.Ю. Карпенко. — Самара: Самарская гуманитарная академия, 1998. С. 72-73.

11. Бердникова О.А. отмечает внешнюю схожесть Адамов в разных рассказах И. Бунина: «два Адама в прозе Бунина, отражающие крайние проявления родовых, сугубо мужских свойств, сводятся автором к одному — к образу человека, в котором произошло не только выхолащивание духовных и

душевных качеств, но и «живой страсти» — это два Адама вне любви». См. : Бердникова О.А. Мотивы искушения в творчестве И.А. Бунина в аспекте христианской антропологии / О.А. Бердникова // Воронежский гос. университет. Вестник: Научный журнал. — Серия: Филология. Журналистика. — 2009, — № 1. С. 12-19.

12. Кривонос В.Ш. О «Петербургском рассказе» И.А. Бунина / В.Ш. Кривонос // И.А. Бунин и русская культура. Межвузовский сборник научных трудов. — Елец : Тало, 1995. С. 159.

13. Черников А.П. В «Книгоиздательстве писателей Москвы» / А.П. Черников // Иван Бунин и литературный процесс начала XX века: Межвузовский сборник научных трудов. — Ленинград: ЛГПИ им. Герцена, 1985. С. 112-122.

14. Серкова В.А. Неопикуемый Петербург (Выход в пространство лабиринта) труды / В.А. Серкова // Метафизика Петербурга (Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры). — СПб, 1993. — Вып. 1. С. 95-113.

15. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды / В.Н. Топоров. — СПб : Искусство-СПБ, 2000. С.25.

16. Мотив обезглавленности неоднократно прослеживается в произведениях И.А. Бунина. Никонова Т.А. исследовала этот мотив в повести «Суходол». См.: Никонова Т.А. «Душа русского человека в глубоком смысле» (повесть «Суходол») / Т.А. Никонова // Царственная свобода: О творчестве И.А. Бунина: К 125-летию со дня рождения писателя: Межвузовский сборник научных трудов. — Воронеж : Квадрат, 1995. С. 60-69.

*Попова Ю.С.
Воронежский государственный университет.
Аспирантка кафедры русской литературы XX века.*

*Popova Y.S.
Voronezh State University.
Post-graduate student the Chair of Russian Literature
XX century.*